

О ВОЗМОЖНОСТИ «ПЕРЕГОВОРОВ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: ladaship@gmail.com

В тексте описывается возможность совместимости позиций участников дискуссии о современном проекте исторической эпистемологии. В качестве одной из значимых проблем этого проекта определяется напряжение между его дескриптивным и нормативным элементом. Выдвигается предположение о философском характере исторической эпистемологии, который не умаляет, но поддерживает историчность мышления науки.

Ключевые слова: многообразие, равенство, рефлексия, автономия

ON THE POSSIBILITY OF “NEGOTIATIONS” IN HISTORICAL EPISTEMOLOGY

Lada Shipovalova – DSc in Philosophy, assistant professor. Saint Petersburg State University. 11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: ladaship@gmail.com

This paper describes the possible compatibility of positions of the discussion participants on the current project of historical epistemology. The tension between descriptive and normative elements of this project is determined as one of the most important issue. I make an assumption of a philosophical nature of historical epistemology that does not detract from, but supports the historicity of thinking science.

Keywords: diversity, equality, reflection, autonomy

Мои уважаемые оппоненты в своих комментариях очертили поле и отметили несколько значимых пунктов исторической эпистемологии, определяющих ее собственные актуальные задачи. Это и нелинейность мышления историков, обращающихся к микродинамике научной деятельности (И.С. Дмитриев), и закономерность отхода от вне-исторического мышления оснований науки (Н.И. Кузнецова, О.Е. Столярова), и эпистемическое значение провоцирующего научное мышление «иногое» (О.Е. Столярова), и стремление обнаружить инвариантное в многообразии материала научных практик (Т.А. Вархотов). Может создаться впечатление, что это поле распадается, подчиненное различным установкам. С одной стороны – необходимой чувствительности к амбивалентному, многообразному в научной деятельности, что задает направление движения в сторону «безжалостного историзма». С другой стороны – стремлению удержаться в «непроблематичном историзме», либо сохраняя «нейтральную» дескриптивную позицию, о которой пишет Наталья Ивановна, либо, утверждая возможность выстраивать иерархию познавательных отношений, на которой настаивает Тарас Александрович.

Само разнообразие точек зрения участников дискуссии, на мой взгляд, адекватным образом определяет историческую эпистемологию. Мне хотелось бы показать, что возможны «переговоры» между этими позициями, *равная* значимость которых должна быть признана. Равенство различных позиций, к которому подозрительно относится Тарас Александрович, разделяя эту подозрительность с представителями эпистемологического реализма, означает для меня одно: отсутствие априорных предпочтений и стремление услышать Другого. Однако релятивизм, предполагающий признание такого равенства, следует рассматривать как вызов и провокацию, но не как последний пункт исследований. Ответ на этот вызов - не выбор одной правильной установки, но попытка сборки их всех. Сборки, которая не исключает ни появления новых возражений, ни возможности последующих «пересборок». Это так, поскольку в исторической эпистемологии, выступающей против вневременного характера всякой нормы и всякой истины никакая позиция, определяющая условия сборки, не является окончательной. В признании этого моя точка зрения отчасти совпадает с той, которую обнаруживает Е.И. Шашлова¹. В противном случае, речь бы шла только о логике, но не о мышлении.

Хотелось бы поддержать тезис Ольги Евгеньевны о том, что историческая эпистемология выявляет существенную черту бытия науки – заполнение «бреши между тождественным и действительным», а также близкий ему по духу тезис Игоря Сергеевича о том, что установки релятивизма и реализма дополняют друг друга и уместны в разные периоды развития науки. То есть совсем не обязательно, более того, не желательно ограничивать позиции «представителей конкретных наук» только реализмом и стремлением к «тождественному». Конечно, если мы признаем, что представители конкретных наук не только решают задачи, но работают с проблемами².

Необходимо согласиться также с принципиальным значением проблемы, обозначенной Натальей Ивановной: напряжение между нормативным и дескриптивным элементом исторической эпистемологии. Действительно, этот проект по преимуществу настаивает на дескриптивном характере собственных задач, отличающих его от философии науки, определяющей требования, предъявляемые к научному знанию. Причем этот характер историческая эпистемология обнаруживает в отношении не только к своему предмету – науке в ее истории, но и к самой себе. Следует, однако, признать, что научное

¹ Однако исторический характер норм не значит их отрицания. Так, Л. Дастон и П. Галисон делают своим предметом «эпистемические добродетели» или «нормы знания», которые могут возникать и со временем уходить из очевидности, сменяясь другими [Daston, Galison, 2010, p. 41].

² О близости некоторых тезисов А. Эйнштейна «релятивистской» позиции Т. Куна и П. Фейрабенда см. [Oberheim, 2016].

описание, так же как и описание науки как «предмета исследования», всегда нагружено – определенная установка задает выбор фактов, констелляцию образов, способ установления связей и разрывов. То есть нормативность всегда присутствует в работе эпистемолога, даже если он противопоставляет себя философу. Подчеркивая собственную задачу дескрипции, историческая эпистемология порой оставляет без внимания рефлексии по поводу собственной нормативности³. Представляется, что такая рефлексия, исторически определенный ответ на вопросы «что делать?» и «зачем делать?» не должна быть упущена. Именно она обнаруживает философскую составляющую исторической эпистемологии и делает ее мышлением, а не только описанием.

Казалось бы, отвечая на эти вопросы, необходимо выстраивать иерархию познавательных отношений. Казалось бы, работа продуктивного воображения исторической эпистемологии, поставляющего многообразный материал научных практик, неизбежно приводит к обнаружению инвариантного смысла предметности. С одной стороны, следует согласиться с Тарасом Александровичем в том, что стремление к единству и поиск универсалий неустраним из научного познания и может определять проект исторической эпистемологии. Не следует преуменьшать значение «тождественного» в ущерб вниманию к «иному». С другой стороны, следует подчеркнуть одну существенную альтернативу – можно полагать истину уже существующей и открываемой или же считать ее собираемой и конструируемой, не без участия всех потенциальных участников события научного познания, в том числе познаваемой природы и общества. Если историческая эпистемология, по своей сути, лишает любую истину и норму ее вечного статуса, то событие «создания относительных универсалий», о котором пишет Латур, остается всегда открытым, причем не только возобновляющимся верификациям, но и возможным конструктивным фальсификациям и, следовательно, трансформациям того истинного смысла предметности, который на первый взгляд казался установленным окончательно. Более того, поскольку «тождественное» разума порой оказывается агрессивно диктующим норму, я полагаю более значимой защиту «иного».

Эта защита, отчасти, определяет и метод – выстраивание переговоров. Именно потому необходимо, как это верно подмечает в моем тексте Екатерина Игоревна, обращаться к широкому контексту традиции, даже когда мы говорим о ее узком смысле. Современная историческая эпистемология в том узком смысле, который я проясняла в

³ Так, М. Куш, обращаясь к дескрипции многообразия понимания научных ценностей в работе Л. Дастон и П. Галисона, отмечает отсутствие выраженной рефлексии относительно их собственного «способа смотреть». Несложно обнаружить, что главной ценностью для самих авторов является «верность природе», утверждает М. Куш, однако причины этого остаются не проясненными [Kusch, 2011, p. 487].

начале первого текста, ищет и находит собственную связь, например с философией М. Хайдеггера, французской исторической эпистемологией, герменевтикой и постпозитивизмом. Потому и мы, раскрывая этот смысл, не можем не учитывать его контекста. Не только и не столько противопоставление позиций, сколько привлечение союзников и обнаружение совместимости взглядов дает силу.

В завершении этого текста, но не в завершении работы над определением проблематического статуса исторической эпистемологии хотелось бы отметить следующее. Мы, конечно, далеки от реализации «платоновско-кантовского» идеала мира под управлением философов. Однако если мы будем отказывать этой идее в регулятивном применении, другие будут управлять нами, и философия в форме исторического мышления науки утратит право на автономию, а значит и на саму себя.

Список литературы

Kusch, 2011 – *Kusch M.* Reflexivity, Relativism, Microhistory: Three Desiderata for Historical Epistemologies // *Erkenntnis*. 2011. Vol. 75. No. 3. P. 483–489.

Oberheim, 2016 – *Oberheim E.* Rediscovering Einstein’s legacy: How Einstein anticipates Kuhn and Feyerabend on the nature of science // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2016. No. 57. P. 17–26.

Daston, Galison, 2010 – *Daston L., Galison P.* Objectivity. N. Y.: Zone Books, 2010. 501 p.

References

Kusch M. “Reflexivity, Relativism, Microhistory: Three Desiderata for Historical Epistemologies”, *Erkenntnis*, 2011, vol. 75, no. 3, pp. 483–489.

Oberheim E. “Rediscovering Einstein’s legacy: How Einstein anticipates Kuhn and Feyerabend on the nature of science”, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2016, no. 57, pp. 17–26.

Daston L., Galison P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2010. 501 pp.